

ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

И.А. Бирич

О профессионализме педагогического образования, или о рыцарях гуманной педагогики

В статье раскрывается генезис педагогической антропологии, постулаты которой тесно связаны с социальным заказом образованию в ту или иную эпоху: от народной школы К.Д. Ушинского до «школы жизни» Ш.А. Амонашвили. Гуманная педагогика как последний оплот современного воспитательного процесса.

Ключевые слова: педагогическая антропология; человек как предмет воспитания; воспитание; педагогическая герменевтика; гуманная педагогика.

ЧАСТЬ 1

1. Немного истории

Сегодня вновь заговорили об актуальности воспитательного процесса в отношении подрастающего человека. Но мы ничего не сделаем в этой области хорошего, пока не разберемся с его целевыми установками. Сегодня большой разброс в понимании понятий «моральный», «нравственный», «духовный», «религиозный человек». На наш взгляд, религиозное, нравственное и шире — духовное, состояния сознания человека представляют из себя различные уровни или «ступени» его поступательного развития по освоению им своей собственной природы. Они тесно переплетаются друг с другом и потому взаимосвязаны, поддерживая и корректируя друг друга: у них общая — ЦЕННОСТНАЯ (аксиологическая или метафизическая) — почва. Данные уровни по-разному проявляют себя в течение всей жизни человека, но несомненно одно: их смена в процессе индивидуального становления личности (онтогенезе) означает качественный скачок в развитии человека и сопровождается, как правило, духовным потрясением. Не без помощи воспитателя.

«Воспитание» — красивое русское слово, испокон веков сопровождавшее взросление дитяти и отрока на Руси, было условием его становления как человека. Воспитывало все: отношение людей к природе и друг к другу, культурные традиции, характеры окружающих и любимых и, конечно, сам процесс просвещения, включающий в себя как эталоны образованности, так и понимание цели воспитания.

Эталоны могли расходиться согласно требованиям сословий, но цель воспитания понималась всеми однозначно: по возможности вырастить нравственного человека. В русском языке есть замечательный синоним слову «нравственный» — это «порядочный», то есть человек, который содержит, реализует и хранит в порядке свое предназначение.

Речь в статье пойдет об этом предназначении. Первым в мире, кто научно заговорил о человеке как предмете воспитания, был замечательный русский педагог-мыслитель XIX века, «учитель русских учителей» К.Д. Ушинский (1823–1871). Ну кто ж, казалось бы, не знает Константина Дмитриевича?! Знают, знают, особенно студенты наших педвузов. Они ведь проходят курс истории педагогики и могут назвать имена наших гениальных педагогов-мыслителей — от М.В. Ломоносова до В.А. Сухомлинского (с учителями-новаторами 80-х гг. XX столетия уже сложнее). Однако тексты их читают в адаптированном виде в хрестоматиях и не принимают как современное руководство к действию, так как не понимают эти тексты и знание их считают формальной обязанностью.

И действительно, как понять современный вклад Ушинского в теорию воспитания и образования, который покоится на двух ведущих идеях всего его педагогического наследия: народность и антропологизм? Первая выражена им во всех его педагогических статьях, посвященных народной школе. Вторая — в капитальном труде «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии».

А все дело в том, что педагогическая классика, описывающая жизнь под углом зрения педагогики, не является примером научной теории, как это принято в естественнонаучных текстах — с отточенным понятийным аппаратом и однозначными примерами. Перед нами тексты гуманитарные. Чтобы их адекватно понять, необходимо совершить герменевтическую процедуру и углубиться в смысловой контекст эпохи, который придаст значениям известных научных категорий аксиологическую окраску и сделает возможным принять их лично [7], как это сделано в каждом томе «Антологии гуманитарной педагогики». К сожалению, подобной процедуре ни будущих, ни современных педагогов не учили и не учат.

Как мы поняли, ключевое слово для Ушинского — это «воспитание». Главное, что он сам ни на минуту не сомневался, что его читатели понимают значение и смысл этого слова так же, как и он. А вот мы сегодня значение знаем, а смысл потеряли, и потому тексты Ушинского для нас перестали быть актуальными, осмысленными.

Чтобы исправить эту оплошность, давайте сами совершим герменевтическую процедуру с такой, казалось бы, ясной категорией педагогической теории, как «воспитание». В любом педагогическом словаре с разными вариациями прочтем: воспитание — формирование у подрастающего человека качеств, необходимых для гражданина страны. В предельном обобщении — верно и предельно абстрактно, как и положено для теории. Каких качеств,

какой страны — эта дефиниция не определяет и, значит, для практического использования здесь и сейчас «не работает».

А давайте «спросим» у самого слова, какой процесс был зафиксирован в нем, когда оно с незапамятных времен закрепилось в русском языке? Попробуем подойти к значению и смыслу слова с точки зрения его этимологии. Разберем морфологию слова.

«ВОС-ПИТ-АНИЕ»

Корень «-пит-» означает и «питать», и «пить». И сразу возникает образ «мамушки», у которой есть четкое отношение к тому, кого она кормит, — это любовь и забота.

Приставка «вос-» сразу вносит поправку в понимание реального физического процесса кормления, придавая ему духовный характер: это питание для «вос-хождения» (подъем), «вос-становления» (по фрагменту целое), «вос-создания» (реализация замысла), «вос-соединения» (преодоление розни), наконец, «вос-кресения» (укрепление духа после падения) — везде приставка «вос-» фиксирует развитие действия в сторону духовного подъема.

Суффикс «-ан» с окончанием среднего рода (субстантивированное существительное) дает слову временную характеристику — это процесс бесконечный: начало есть, а конца нет.

А вот теперь пусть каждый читатель этих строк самостоятельно совершит синтез значений отдельных элементов слова «воспитание» и поймет его заново, то есть интерпретирует, переосмыслит по-своему — совершит «герменевтический круг». Процесс этот творческий, и никто не пресечет его, мол, так думать неправильно. Он обращен к языковой интуиции каждого из нас. Мы видим, что за морфологией как за разделом языкознания стоит история становления народного менталитета, имеющего мировоззренческий и аксиологический характер. И тогда мы догадываемся, что в русском слове «воспитание» свернута целая духовная концепция человека.

К духовным ориентирам людей в христианской стране среди прочих относилось и понимание человека, созданного Богом по своему образу и подобию, до которого необходимо развить и поднять естественную природу человека. На это нацелены такие его способности, как ум, самосознание, свобода действий (воля), совесть, нравственность (жертвенность), доброта, потребность творить, воображение, чувства веры, надежды и любви — эти три чувства в русском сознании вообще были подняты на уровень духовных даров. Этим жил русский человек! И даже когда нарушал заповеди, знал ведь, что нарушает, и совесть его мучила.

Теперь попробуем изнутри подобного мировоззрения понять К.Д. Ушинского заново. Признавая значение природных предпосылок в развитии человека, он возлагал огромные надежды на возможности воспитания. Он полагал, что его результаты достижимы, только если воспитание соответствует природе человека и его истинным потребностям.

В основу своей теории Ушинский как русский ученый положил основные понятия — тело, душа и дух, кои есть специфическое человеческое образование. Знание особенностей этих категорий является необходимым звеном для успешного осуществления процесса воспитания. Двумя ведущими потребностями детской психики он считал стремление к деятельности и стремление к совершенству. Вот почему, веря в присутствие активного начала в ребенке, Константин Дмитриевич видел основными воспитателями ребенка природу, семью, опыт, учителя и его самого, его сознательное участие в своем самосовершенствовании.

Подчеркивая сложность процесса воспитания, Константин Дмитриевич различал воспитание в широком и узком смысле слова, в зависимости от факторов, влияющих на результат воспитательных действий: «Мы ясно сознаем, что воспитание, в тесном смысле этого слова, как преднамеренная воспитательная деятельность — школа, воспитатель и наставники... — вовсе не единственные воспитатели человека, и столь же сильными, а может быть и гораздо сильнейшими, воспитателями его являются воспитатели непреднамеренные: природа, семья, общество, народ, его религия и его язык, словом, природа и история в обширнейшем смысле этих обширных понятий» [9: с. 18].

Ушинский впервые привлек внимание к проблеме единства различных воспитывающих факторов. В частности, не должно быть расхождений между общественным мнением о целях и задачах воспитания и организацией учебно-воспитательного процесса (!). Школа — мощный фактор духовного развития ребенка, но школа может выполнять свою функцию только в том случае, если три основных ее элемента — административный, учебный и воспитательный — соединены воедино, подчинены одним и тем же целям.

К.Д. Ушинский указывал на решающую роль в воспитательном процессе личности педагога: «...влияние личности воспитателя составляет ту воспитательную силу, которую нельзя заменить ни учебниками, ни моральными сентенциями, ни системой наказаний и поощрений. Многое, конечно, значит дух заведения» [9: с. 32].

Ушинский стремился связать педагогику с системой других наук, прежде всего с философией, физиологией и психологией, стремился связать ее с жизнью, с решением потребностей общества. И все же педагогика не наука, писал Ушинский, а искусство, самое обширное, сложное, высокое и самое необходимое из всех искусств. Искусство воспитания опирается на науку, но кроме знаний требует от человека особых способностей и склонностей. И как искусство педагогика стремится к идеалу, вечно достигаемому и никогда не достижимому, — идеалу самосовершенствования, прописанному в Нагорной проповеди, данной в Евангелиях. Так понималось в середине XIX века нравственное воспитание. Имя Господа всеу не поминалось, но нравственный идеал был известен всем.

Теория Ушинского в свое время оказалась мощным прорывом в развитии педагогической антропологии и одновременно идеальной сферой

для педагогической практики, то есть соединила в себе убедительность научной аргументации и абсолютную веру в ценность цели воспитания. Тогда все — от царя до крестьянина — знали, что на воспитательном процессе молодого поколения держится основа живой истории государства. Единый русский язык и православная культура удерживали единство ментального пространства страны. Духовные ориентиры и приоритеты были едиными, даже если они содержались в других религиях.

Когда цивилизационные основы страны закачались? Когда была подвержена сомнению духовная природа человека, и батюшки-царя в том числе. Помните фильм Никиты Михалкова «Солнечный удар» о разворачивании в России гражданской войны? Мальчишка-подмастерье из маленького городка на Волге спрашивает молодого юнкера, которому он симпатизирует и которому решил доверить страшное сомнение, что его мучает, о теории Дарвина: «Правда, что люди произошли от обезьяны?» И тот беспечно отвечает, что раз такое пишут в учебниках, то значит правда. У мальчишки от ужаса округляются глаза: «И царь Николай Александрович произошел от обезьяны?!» И в ответ слышит: «И царь тоже».

Финал фильма двусмыслен. Его главным персонажем оказывается не юнкер, не его прекрасная, но распущенная спутница, а этот мальчик. Он вырос и стал командиром Красной армии. Именно он сажает целый взвод пленных белых офицеров, и нашего юнкера в том числе, на гнилую баржу, которую решено было затопить в водах Черного моря. Но напоследок он передает юнкеру, которого узнал, часы с запиской, что возвращает ему вещицу, когда-то забытую им в маленьком городке на Волге, так как не хочет остаться в его глазах вором. Красные командиры — честные люди. Так маленькая правда заслонила собой большую: часы вернулись к хозяину, да только сам хозяин со своим хозяйством ушел на дно. На дно истории.

Итак, разрыв поколений в начале XX века в России — это разрыв мировоззрений. Как же стала складываться система образования в молодой советской республике? Отказавшись от Бога как религиозного эталона совершенствования человека, Совет народных комиссаров торопился с реформой образования. По инициативе А.В. Луначарского и Н.К. Крупской в 1918 г. он принимает для руководства к действию концепцию Единой трудовой школы, разработанной психологом П.П. Блонским при участии школьного организатора К.Н. Вентцеля.

Философия образования начала XX в. в Европе очень тесно соприкасалась с социальными идеями, в том смысле, что реализацию мечты о демократическом государстве тесно увязывала с положением ребенка в государстве, его качественным образованием, обращенным к развитию личности. Идеи педоцентризма были распространены не только на Западе, но и в России, ярким представителем которого был Константин Николаевич Вентцель — оригинальный мыслитель и педагог, лидер отечественного течения в педагогике, известного как свободное воспитание, продолжавший и развивавший

педагогические идеи Л.Н. Толстого, П.Ф. Каптерева. Он активно боролся против насилия над личностью ребенка еще в условиях царской России, последовательно выступал за свободу ребенка и автономию школы. Впервые в мире он разработал «Декларацию прав ребенка», составленную им в период Февральской революции 1917 г. и которая не публиковалась после 1918 г. [6].

Представление о педагогике как о гуманитарном фундаменте образования, естественно, порождало совершенно новую и непривычную модель школы — **школы человечности**, направленной на развитие в ребенке целостного мировосприятия. Так, П.П. Блонский подчеркивал, что образование есть не набор готовых знаний и умений, а развитие постоянного стремления к образованности, так же как, подлинная нравственность, есть постоянное стремление к ней. Сравнение образованности с нравственностью не случайно: и там, и там велика сила идеала. «Идеал преобразовывает действительность, а действительность без идеала умирает», — настаивал Блонский [5]. Будучи современником великих русских философов и великих русских педагогов, он, конечно же, связывал со школой реальное преобразование общества. Многие в этой школе опережали реальности окружающего мира. Она была пронизана идеями демократии, самоуправления и сотрудничества.

Но хорошая школа невозможна без хорошего учителя. Блонский афористически выразил это так: «Настоящий учитель — не энциклопедический словарь, но Сократ!» И потому новая школа — это образовательная школа и для самого учителя, она должна дать возможность ему стать своим человеком для детей и жить с ними интересной человеческой жизнью. В школе должно быть гораздо больше простора для личного творчества учителя: точно регламентированная программа, учебник и вопросно-ответная форма обучения обезличивают его.

Единая трудовая школа — это школа мысли, человечности, социального труда и поэтического чувства. Блонский назвал ее **школой жизни**. И не напрасно. В этой школе совершенно иное наполнение учебного дня. Вечно живая жизнь требует создания новых форм и умения приспособливаться к изменяющейся среде. «В школе ребенок не учится, а упражняется в самостоятельных занятиях», — записано в Концепции. Ученый предложил отказаться от дробления школьного дня на отдельные уроки, школьной программы — на отдельные предметы. Школьный день — это сложное и постоянное погружение ребенка в методы познания и труда, но имеющее, безусловно, системный характер. К чему же тогда сводится роль учителя? К сотрудничеству, помощи и руководству работой детей по самовоспитанию [4: с. 86–88]

У Блонского много точек идейного соприкосновения и пересечения не только с русскими воззрениями на свободную школу, но и с мыслями европейских педагогов — С. Френе, М. Монтессори, Г. Дьюи, Х. Кей, с педагогической практикой индийского духовного лидера Махатмы Ганди. Такое ощущение, что идеи новой педагогики были разбросаны в первой трети XX в. по всему миру — она ставила перед собой задачу создания самостоятельной

трудовой детской **общины** в качестве **прообраза** грядущего идеального социального строя! Насколько же надо было верить в потенциал детской личности и в потенциал новой власти, которая пришла в Россию в образе **народной власти!**

Социальный заказ социалистического общества образованию звучал немного по-библейски — «формирование нового человека» — и включал в себя необходимость развития определенных нравственных человеческих качеств, таких как: рыцарь идеи, честный труженик, активист и бессеребренник, не трус, уважает товарищей, любит новую Родину. Слово «воспитание» продолжало быть в приоритете, но, конечно, потеряло свой возвышенный смысл, зато приобрело смысл «дисциплинарный».

Принципы и идеи Единой трудовой школы, опиравшиеся на широкую гуманистическую платформу и научно-психологическую основу, начали реализовываться и нашли свое практическое применение прежде всего в школах-коммунах или колониях — школах, в которых были собраны дети и подростки, лишенные семьи, потерявшие родителей, не прошедшие опыта нормальной социализации.

Эти школы вызвали к жизни особый образ педагога-руководителя — не только гения школьной организации, обладавшего высочайшим педагогическим талантом, но и наделенного чудодейственной силой родительской любви, равно устремленной ко всем подопечным и таким «трудным» детям. Речь идет о великих учителях, составивших славу советской педагогики: С.Т. Шацком, А.С. Макаренко, В.Н. Сорока-Росинском, В.А. Сухомлинском, которых также вдохновляла мысль о том, что они готовят своих воспитанников для жизни, имеющей совершенно новые — гуманные — социальные черты. И в этом плане их всех можно назвать романтиками от педагогики, открывшими **педагогику сотрудничества** (подробно см. [4]).

После войны и разрухи в педагогической теории и практике все надо было начинать заново. Педология, и значит, модель Единой трудовой школы были запрещены еще в конце 30-х гг. Но тем не менее в 50–70-х гг. внимание государства к образованию было активным. Именно в те годы сложилась его концепция, направленная на развитие научно-технической революции и подготовку научно-технических кадров. Оценка советского образования этого периода в мире очень высокая. Но в педагогической теории произошел крен, разделивший процессы обучения и воспитания: в обучении победила ленинская теория отражения, в воспитании — теория формирования всесторонне развитой личности, своего рода «воспитательная утопия».

Однако пока в стране существовали единые ценностные ориентиры, связанные с разоблачением культа личности, представления о нравственности и порядочности в народе сохранялись и выполнялись (хрущевская оттепель, романтическая эпоха шестидесятников, научные и литературные открытия, повсеместное молодежное творчество, неприятие мещанства).

При Л.И. Брежневе стали легальными двойные стандарты жизни. Недаром это время было названо эпохой застоя. В народный менталитет были

заброшены семена сомнений в правильности выбранной идеологии и в молодежную среду — страшное любопытство к западным нормам жизни и ценностям, к обществу потребления. Кумирами золотой молодежи (пока еще детей номенклатурной элиты) становились фарцовщики.

Педагогическая антропология как научное направление отошла в историю, перестала быть актуальной. А ведь педагогическая антропология демонстрировала добровольный союз философии, психологии и педагогики. Теперь дисциплины «разъехались» в разные стороны, каждая рассматривала становление человека в своем понятийном аппарате, не заглядывая друг к другу. Про воспитание в первоначальном смысле слова забыли, в теории оно заместилось понятием «социализация» — безо всяких подтекстов, однозначным, легко исполняемым на практике, легко измеряемым для отчетов. Качества личности, о чем так радел В.А. Сухомлинский, заменились среднестатистическими знаниями, умениями, навыками — ЗУНами. Между учителем и учеником появилась трещина формализма.

Последний всплеск педагогического романтизма пришелся на 80-е гг. XX столетия, когда проявился феномен педагогов-новаторов, которые под эгидой «Учительской газеты» («УГ») выступили с манифестом «Педагогика сотрудничества». В стране был организован Творческий союз учителей под руководством главного редактора «УГ» В.Ф. Матвеева и главного новатора, грузинского учителя начальных классов, доктора психологических наук Ш.А. Амонашвили. Недаром он, пытаясь реанимировать версию многих понятий педагогической теории (школа, воспитание, обучение, образование, урок, учитель), прибегал к герменевтическому методу их переосмысления [1]. Но был для коллег-ученых тогда не убедителен.

Выяснилось, что теоретики и практики по-разному рассматривали участие обучаемого в самом процессе образования. При сильнейшем сопротивлении Академии педагогических наук начались дебаты по поводу проблемы: ученик — объект или субъект обучения и воспитания. В дебаты включились психологи (В.В. Давыдов, В.П. Зинченко) и философы (Э.В. Ильенков, Ф.Т. Михайлов, А.С. Арсеньев и др.). Недаром Ш.А. Амонашвили называл официальную педагогическую науку «бездетной».

После развала Советского Союза конкретное Министерство просвещения превратилось в отчужденное Министерство образования и науки, Академия педагогических наук была реформирована в Российскую академию образования, перестал существовать и Творческий союз учителей как организация. Однако сами учителя в 90-е гг. многое сделали для гуманизации образования. Началось проведение Всероссийского конкурса «Учитель года». Стали выходить запретные прежде книги русских философов. Многие школы подхватили их идеи, стали работать по авторским альтернативным моделям (школы Д.З. Арсентьева в г. Орле, Ш.А. Амонашвили, В.В. Караковского, А.Н. Тубельского, Е.В. Ямбурга, Вальдорфская школа в Москве, Центр комплексного воспитания подростков М.П. Щетинина в Краснодарском крае и др. — (см. [2]). «УГ» объявила конкурс на лучшую

такую модель, проводила семинары по педагогике сотрудничества для учителей. Социального заказа внятно никто образованию (с 1991 по 2003 гг.) не предъявлял, если не считать гуманно-личностного подхода как альтернативу авторитарному. Но это было затишье перед бурей.

В 2003 г. «грянул» Болонский процесс. Прошло чуть более 10 лет, а уже можно подсчитывать убытки — прежде всего нравственные! Украинским правителям, чтобы в корне изменить менталитет молодого поколения, понадобилось 25 лет. Кажется, нам и 10 хватило. Когда Россия давала согласие на вступление в Болонский процесс, возможно, чиновники предполагали, что это выльется лишь в структурные изменения высшего образования (бесплатный бакалавриат — платная магистратура — отказ от специалитета), но суть останется прежней. Теперь выясняется, что именно суть советско-русского образования (забота о человеческом облике молодого поколения) была и есть мишенью реформаторов. Идет глобальная атака на мировоззрение российских молодых людей в вузах, «зачистка» последних новаторов-идеалистов в школе. Только что закрыли («слили») школу в Ясенево, где научным руководителем был Ш.А. Амонашвили, расформировали уникальный педагогический коллектив. Общественная мысль в России и педагогическая общественность уже назвали этот процесс **диверсией** против молодого поколения [10].

КАК реализовывать сегодня, в условиях двойных и тройных нравственных стандартов, воспитательный процесс, никто толком не знает.

Вот мы и вернулись к началу статьи. Трижды за 150 лет менялось господствующее мировоззрение в России, и трижды менялся социальный заказ для образования. Дважды (1861 г. и 1917 г.) в громадном напряжении страна удерживала преемственность поколений (не без потерь, конечно), демонстрируя единство ценностных ориентиров и устремленность в будущее. Сегодня мы переживаем третью попытку власти вмешаться в изменение национального самосознания, запустившей западные стандарты в наш образовательный процесс, но не подумав о преемственности идей. Никогда в России экономическая составляющая не была стержнем образовательной политики.

2. МГПУ — остров гуманной педагогики

Наш университет оказался единственным педагогическим вузом в России, в котором вот уже 20 лет существует лаборатория гуманной педагогики (сейчас она называется лабораторией педагогических инноваций), возглавляемая известным новатором, доктором психологических наук, академиком РАО, писателем Ш.А. Амонашвили, которого в 90-е гг. пригласил на работу ректор В.В. Рябов. Начали с отдельных семинаров для учителей Москвы, студентов МГПУ. Потом эти семинары вылились в создание Международного педагогического общества гуманной педагогики, филиалы которого есть во многих городах России и ближнего зарубежья, куда Шалва Александрович приезжал

и приезжает с лекциями. Можно сказать, что у Амонашвили есть последователи и своя научная школа, прописанная в МГПУ.

Совместная с Д.Д. Зуевым, известным советским издателем школьных учебников и почетным профессором МГПУ, родилась грандиозная идея об издании Антологии педагогов-мыслителей всех времен и народов, чтобы в каждой школе собралась подобная библиотека мудрых мыслей. И они это сделали, издав в 1996–2007 годы 55 томов «Антологии гуманной педагогики»!

Не надо думать, что идеи гуманной педагогики, основанные на феномене детской личности и педагогической антропологии, легко пробивают себе дорогу в современном образовательном процессе. Чтобы их воспринять и принять, необходимо прежде всего отказаться от позитивизма в понимании отношений «учитель – ученик». Недаром Педагогическое общество под руководством Ш.А. Амонашвили награждает своих последователей почетным знаком «Рыцарь гуманной педагогики». Ее идеи надо поддерживать и защищать. Такой знак есть и у первого президента МГПУ Виктора Васильевича Рябова.

Хотим мы этого или не хотим, но философия спонтанно присутствует в труде творческого педагога, потому что он формирует то, что изначально существует лишь как возможность. Такой педагог методично создает образ человека, который проявится только в конце всего учебного процесса. Понятие масштаба личности и удержание его в самосознании — это **философская процедура, и образ будущего человека — философский образ, включающий в себя ценностный аспект.**

Философско-педагогические тексты, собранные в «Антологии гуманной педагогики», оставляют после их прочтения удивительное впечатление: как будто они пришли к нам из вечности. Если философские системы мудрецов, их воззрения на мир со временем, в силу их привязки к исторической эпохе, географическому региону, приобретают некую музейную ценность — их надо охранять и изучать как памятники культуры, то педагогические воззрения этих же великих мыслителей **актуальны всегда.** Что может быть важнее в жизни общества, чем забота о молодых, чем связь поколений?!

Всем известно: данная связь держится на общем фундаменте. Вот только что считать таким фундаментом? И здесь оказывается, что педагоги-мыслители всех времен и народов по сути **совпадают**, говорят на разных языках об одном: о необходимости **очеловечивания человека.** Если из ребенка вырастет человек, а не просто двуногое животное, то он обязательно будет естественным образом развивать творческий потенциал общества. Как понятно!

Нам в назидание оставлено страстное обращение представителей русской философской мысли с призывом обновить свое педагогическое искусство для того, чтобы пробудить в ребенке, по выражению И. Ильина, «духовность его инстинкта», ведь человек много больше, чем его мышление или рассудок. Образование должно сообщить ребенку **новый способ жизни**, зажечь его сердце. В этом «живая тайна» воспитания: «Если дух в глубине бессознательного будет пробужден и если инстинкт будет обрадован и осчастливлен

этим пробуждением, то в жизни ребенка совершится важнейшее событие, и дитя справится со всеми затруднениями и соблазнами предстоящей жизни» [8: с. 207]. Вы думаете, это утопия? Сегодня это обращение, например, реализует педагог-новатор М.П. Щетинин, который взял за основу своего Центра все передовые концепции наших великих педагогов.

Реализация духовного потенциала ребенка, развитие его индивидуальности, вырывание из тисков массового сознания, его самораскрытие и радостное самочувствие, масштаб его счастья — вот что должно стать сегодня мерилом истинности и наших философских, и педагогических, и социальных построений.

Не политики, не экономисты выведут нас из кризиса, а УЧИТЕЛЯ! Тем более что в русском слове «ЧЕЛОВЕК» отражен древнейший санскритский корень «чела», означающий не только место, где помещается разум, но и понятие «ученик». Человек — это и лик времени, и вечный ученик Вселенной. А вы говорите «стандарты»!

Литература

1. *Амонашвили Ш.А.* Школа жизни. М.: Изд. Дом Шалвы Амонашвили, 2000.
2. *Бирич И.А., Бирич В.Г.* Традиции гуманной педагогики в российском образовании: История и современность. М.: Жизнь и мысль, 2000. 64 с.
3. *Бирич И.А., Музафарова Н.И., Панченко О.Г.* Философия образования и воспитания. По страницам Антологии гуманной педагогики: Запад, Россия, Восток: учеб. пособие: в 3 ч. М.: МГПУ, 2005.
4. *Бирич И.А., Панченко О.Г.* В поисках новой методологии отечественного образования: история, современность, прогнозы: монография. Москва – Екатеринбург: Урализдат, 2010. 256 с.
5. *Блонский.* М.: Изд. Дом Шалвы Амонашвили, 2001. 222 с. (Антология гуманной педагогики).
6. *Вентцель.* М.: Изд. Дом Шалвы Амонашвили, 1999. 222 с. (Антология гуманной педагогики).
7. *Закирова А.Ф.* Педагогическая герменевтика: монография. М.: Изд. Дом Шалвы Амонашвили, 2006. 328 с.
8. *Ильин.* М.: Изд. Дом Шалвы Амонашвили, 2005. 222 с. (Антология гуманной педагогики).
9. *Ушинский.* М.: Изд. Дом Шалвы Амонашвили, 1998. 222 с. (Антология гуманной педагогики).
10. *Четверикова О.Н.* Разрушение будущего. Кто и как разрушает суверенное образование в России. М., 2015. 128 с.

Literatura

1. *Amonashvili Sh.A.* Shkola zhizni. M.: Izd. Dom Shalvy' Amonashvili, 2000.
2. *Birich I.A., Birich V.G.* Tradicii gumannoj pedagogiki v rossijskom obrazovanii: Istoriya i sovremennost'. M.: Zhizn' i my'sl', 2000. 64 s.
3. *Birich I.A., Muzafarova N.I., Panchenko O.G.* Filosofiya obrazovaniya i vospitaniya. Po straniczam Antologii gumannoj pedagogiki: Zapad, Rossiya, Vostok: ucheb. posobie: v 3 ch. M.: MGPU, 2005.

4. *Birich I.A., Panchenko O.G.* V poiskax novoj metodologii otechestvennogo obrazovaniya: istoriya, sovremennost', prognozy': monografiya. Moskva – Ekaterinburg: Uralizdat, 2010. 256 s.

5. *Blonskij.* M.: Izd. Dom Shalvy' Amonashvili, 2001. 222 s. (Antologiya gumannoj pedagogiki).

6. *Ventcel'.* M.: Izd. Dom Shalvy' Amonashvili, 1999. 222 s. (Antologiya gumannoj pedagogiki).

7. *Zakirova A.F.* Pedagogicheskaya germenevtika: monografiya. M.: Izd. Dom Shalvy' Amonashvili, 2006. 328 s.

8. *Il'in.* M.: Izd. Dom Shalvy' Amonashvili, 2005. 222 s. (Antologiya gumannoj pedagogiki).

9. *Ushinskij.* M.: Izd. Dom Shalvy' Amonashvili, 1998. 222 s. (Antologiya gumannoj pedagogiki).

10. *Chetverikova O.N.* Razrushenie budushhego. Kto i kak razrushaet suverennoe obrazovanie v Rossii. M., 2015. 128 s.

I.A. Birich

**On the Professionalism of Pedagogical Education,
or on the Knights of Humane Pedagogy**

The article reveals the genesis of pedagogical anthropology, the postulates of which are closely related to the social order to education in this or that era: from K.D. Ushinsky's folk school to Sh.A. Amonashvili's "school of life". "Humane Pedagogy" as the last bulwark of the modern educational process.

Keywords: pedagogical anthropology; man as an object of education; upbringing; pedagogical hermeneutics; humane pedagogy.